

МОРСКОЙ АНГЕЛ

Мы
победим.
Иного
не дано

К

«КРЫЛОВ»

ВАЛЕРИЙ КОВАЛЕВ

Библиотека Мужского Клуба

Библиотека «Мужского клуба»

Валерий Ковалев

Морской ангел

«Крылов»

2015

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

Ковалев В. Н.

Морской ангел / В. Н. Ковалев — «Крылов»,
2015 — (Библиотека «Мужского клуба»)

Человек-легенда, человек-эпоха, везде и всюду – победитель. Человек богатырской силы и стальной воли. И при этом – обыкновенный советский человек, прошедший вместе со страной сквозь все исторические вехи и испытания. Он стал легендой разведки морской пехоты в годы Великой Отечественной войны. Он стал одной из легенд «солнечного» Магадана, где не по своей воле рубил лес и добывал золото. Он колесил водителем-дальнобойщиком по просторам Советского Союза и Европы – и мало кто из дальнобоев не слышал рассказов о человеке, которого боялись и уважали все дорожные бандиты. Дмитрия Дмитриевича Вонлярского помнят и чтут многие ветераны Военно-морского флота, Федеральной службы безопасности и Генеральной прокуратуры России. Его поздравляли с Днем Победы бывший и действующий президенты страны, принимала королевская семья и премьер-министр Великобритании. Он немного не дожил до светлых дней, о которых так мечтал. Увидеть наконец-то вставшую с колен Россию. И своих потомков, сражающихся за Русский Мир. С новой фашистской нечистью. Это книга о нем – о Дмитрии Дмитриевиче Вонлярском, о легендарном Дим Димыче.

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

© Ковалев В. Н., 2015
© Крылов, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть 1 Лихолетье	7
Глава 1. У Чистых прудов	7
Глава 2. С корабля на бал	13
Глава 3. В парашютно-десантном батальоне	21
Глава 4. Первый орден	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Ковалев

Морской ангел

*Вставай Страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!*
В. И. Лебедев-Кумач

© Ковалев В., 2015
© ИК «Крылов», 2015

Предисловие

Имя этого человека я впервые услышал от отца. После войны они пересекались в лагерях «Дальстроа».

Спустя много лет, волею providения, встретил его в Москве. И мы были дружны последние годы его жизни.

Дмитрия Дмитриевича Вонлярского и сейчас помнят многие ветераны Военно-морского флота, Федеральной службы безопасности и Генеральной прокуратуры России.

Его поздравляли с Днем Победы бывший и действующий президенты страны, чтили генералы и адмиралы-фронтовики, принимали королевская семья и премьер-министр Великобритании.

Судьба этого человека не укладывается в рамки обыденности.

Потомок обрусевшего тевтонца фон Лара и отпрыск дворянского рода, Дим Димыч, как его звали родные и близкие, прожил непростую, но яркую жизнь, оставшись человеком с большой буквы. Он был курсантом военно-морского училища, парашютистом-десантником и разведчиком морской пехоты в годы Великой Отечественной войны, рубил лес и добывал золото в Магадане, колесил водителем-дальнобойщиком по просторам Советского Союза и Европы.

В разное время о Вонлярском писали российские и зарубежные журналисты, его не раз упоминали в мемуарах Герои Советского Союза, в числе его друзей были известные военачальники, космонавты и народные артисты.

При всем этом Димыч был весьма скромный человек. Он жил на Чистых Прудах в небольшой квартире, не требовал себе льгот и привилегий и трудился на благо Отечества до глубокой старости.

Сейчас, в наши дни, на киноэкранах иные герои. Герои бандитских сериалов, шоу и «мыльных опер». Надуманные и фальшивые.

То же и в отечественной литературе. Вымышленные Фандорины, Каменские, Званцевы и Челищевы.

А на границах России опять война. Фашисты при поддержке США с Европой начали очередной «дранг нах остен».

Победим ли мы?

Иного не дано. Потому что были такие, как Дмитрий Дмитриевич Вонлярский и его фронтовое поколение, а в наших жилах течет кровь дедов и отцов, однажды уже сломавших хребет фашизму.

Русский мир просыпается от летаргии.

Часть 1 Лихолетье

Глава 1. У Чистых прудов

«10 октября 1932 года на Днепровской гидроэлектростанции состоялся торжественный митинг по поводу пуска первой очереди станции – пяти энергоблоков Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина (на Днепре, у города Запорожья, ниже днепровских порогов)».

Выдержка из газеты «Правда».

В высоком небе над Солянкой¹ кувыркались голуби. А далеко внизу, задрвав вверх русоволосую голову в тубетейке, за ними восхищенно наблюдал мальчик. Ему было десять лет, звали Димом.

Потом, взблескивая на солнце, стая унеслась в сторону Москва-реки, а мальчик, подхватив стоявший рядом бидон, потащил его дальше. Углубившись в хитросплетенье переулков, миновал арку старинного пятиэтажного особняка с табличкой на фасаде «Лучников» и оказался в небольшом дворе, затененном старыми липами.

В дальнем его конце, под раскидистым вязом, сражались в домино несколько пенсионеров, а сбоку от арки компания пацанов играла в пристенок².

– О! Докторенок! – радостно завопил один, собиравшийся в очередной раз метнуть гривенник, а остальные с интересом уставились на Дима.

Все они были из соседнего Зарядья, с которым ребята Солянки традиционно враждовали, и встреча хорошего не сулила.

– Ну, я, – остановившись, нахмурился Дим. – Чего надо?

– Га-га-га, го-го-го! – дружно заржала вся компания, подталкивая друг друга локтями и переглядываясь.

– А давай стыкнемся³, – сунув руки в карманы, подошел к нему самый рослый, в сбитой на затылок кепке и клешах, по кличке «Тарзан», вслед за чем ловко цыкнул слюной Диму под ноги.

Парень был года на два старше, шире в плечах и с косой челкой.

– Что, прям здесь? – прищурился Дим, покосившись на стариков (те увлеченно щелкали костяшками).

– Зачем же? – ухмыльнулся Тарзан, перехватив его взгляд. – Айда туда, – и кивнул на узкий проход рядом с аркой.

Пропустив Дима вперед, вся компания проследовала за ним, и ребята оказались у замшелого каменного сарая. Там было пусто, исключая прянувших в стороны двух кошек. Место, как говорят, располагало, и все остановились.

– Ну, докторенок, заказывай гроб, – шмыгнув носом Тарзан, после чего, втянув голову в плечи и сжав кулаки, принял бойцовскую стойку.

Дим молча поставил бидон у двери сарая, затем подошел к сопернику вплотную и сделал то же самое.

---

¹ Солянка – одна из старых улиц Москвы.

² Пристенок – детская игра в прошлом веке.

³ Стыкнуться (жарг.) – подражаться.

– Щас Тарзан ему даст, – утер соплю самый мелкий из пацанов, а остальные четверо окружили пару.

В следующий миг та закружилась в вихре ударов, и через минуту все кончилось. Тяжело дыша, Дим утирал ладонью разбитую губу, а Тарзан валялся на траве, раскинув руки.

– Как он его... – протянул кто-то из ребят, а остальные принялись поднимать жоака и приводить в чувство.

– Это называется апперкот, – просипел Дим. – Кто следующий?

Желающих больше не нашлось, но зарядевцы обещали поквитаться, после чего высокие стороны расстались. «М-да, хорошее дело бокс», – размышлял Дим по дороге домой. Начиная с зимы, после уроков он регулярно посещал секцию бокса в спортивном обществе «Динамо».

Там, в числе еще нескольких десятков мальчишек, Дим качал мышцы, молотил «грушу», учился нападать и защищаться в спаррингах.

– С тебя, оголец⁴, может выйти толк, – как-то сказал ему пожилой тренер. – Ты прямо создан для боя.

Войдя в гулкую прохладу подъезда, Дим поднялся по широкой, с чугунными перилами лестнице на четвертый этаж и нажал черную кнопку на двустворчатой высокой двери. За ней тихо звякнул замок, и левая половина отворилась.

– Димочка! – всплеснула руками возникшая на пороге старушка в пенсне. – Да ты никак опять дрался?

– Немного, – улыбнулся внук. – Вот керосин (в бидоне булькнуло), куда поставить?

– Отнеси в кладовку и сейчас же приведи себя в порядок, – покачала головой бабушка.

На звуки разговора из анфилады комнат появился высокий сухощавый старик с бородкой – это был Димкин дед – и хитро уставился на мальчишку.

– За что на этот раз, позвольте спросить? – поинтересовался он, подойдя ближе.

– За справедливость, деда, – последовал ответ, после чего старик сказал «ну-ну», а Дим, сняв ботинки, направился в сторону кухни.

Проживавшая в квартире семья была небольшой и заслуживала внимания.

Уже известный читателю дедушка по материнской линии Михаил Николаевич Вавилов происходил из дворян, до революции служил податным инспектором и читал математику в Варшавском университете. Теперь он занимал высокую должность в Наркомфине⁵, но диктатуру пролетариата откровенно не одобрял и придерживался монархических убеждений.

За это бывшего надворного советника⁶ периодически вызывали на Лубянку, и настоятельно рекомендовали поменять взгляды. А еще каждый раз интересовались, почему он не ушел за кордон с белыми? Как его брат – полковник Генерального штаба. В ответ Михаил Николаевич сокрушенно вздыхал и неизменно отвечал: «Я русский. И люблю Россию».

Карающий меч революции тогда еще разил не в полную силу (новая власть весьма нуждалась в специалистах из «чуждого класса»), и Вавилова с миром отпускали. Более того, в знак лояльности ему оставили неразграбленную просторную квартиру, а заодно царские ордена: Святослава и Святой Анны.

В отличие от деда, бабушка Александра Федоровна происходила из мещан. Она была опорой домашнего очага и верной подругой Михаила Николаевича. В голодные двадцатые она снесла в Торгсин⁷ мужнины ордена, а заодно свои золотое кольцо с серьгами и брошь, чем спасла семью от неминуемой смерти.

---

⁴ Оголец – мальчик.

⁵ Наркомфин – Народный комиссариат финансов.

⁶ Надворный советник – чин в Российской империи.

⁷ Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами.

Но самой интересной в семье была одна из их трех дочерей и мама Дима – Мария Михайловна. В юности она окончила медицинские курсы и сразу же добровольцем ушла на войну. Империалистическую. А в 1914-м на Румынском фронте молоденькая сестра милосердия стала кавалером Георгиевской медали «За храбрость» 4-й степени. Награду ей вручил лично Великий Князь Константин Николаевич. Над позициями своих войск князь увидел в небе обстреливаемый противником воздушный шар, откуда разведчики хладнокровно и точно корректировали огонь русской артиллерии. Каково же было удивление царственной особы, когда на месте приземления среди мужчин обнаружилась хрупкая девушка с медицинской сумкой. Барышня назвалась мадмуазель Вавиловой и пояснила, что упростила господ офицеров взять ее с собой на задание.

– Однако, – разглядел усы князь, люблюсь миловидной девицей. – Вы достойны награды.

В отличие от родителей, дяди и сестер, Маруся восприняла революцию всем сердцем и, вернувшись с одной войны, отправилась на вторую. Теперь уже Гражданскую. Ее она прошла с начала до конца, медработником в 1-й Конной, и знала самого командарма Буденного. Там же познакомилась со своим мужем, комэском⁸ Дмитрием Вонлярским, после безвременной кончины которого перенесла всю свою нерастраченную любовь на единственного сына.

При всем этом, иногда его балуя, Мария Михайловна держала ребенка в строгости, закаляла по утрам холодной водой, а зимой обтирала снегом. У такой лихой мамы сын не мог вырасти трусом.

Спустя час дед с бабушкой и внук обедали в небольшом, обставленном старинной мебелью зале, а на них с висящих на стенах картин взирали предки. Вечером со службы вернулась мать (теперь она работала врачом в ведомственной поликлинике Внешторга) и сообщила радостную весть – через два дня они с Димом отправляются на море.

– Ура! – запрыгал по комнатам сын, а остальные принялась обсуждать поездку.

Расширяя кругозор чада и заботясь о его здоровье, уже третье лето Мария Михайловна подражалась работать в черноморских санаториях врачом на договоре. Они уже побывали в Геленджике и Коктебеле, а теперь их ждал дом отдыха в Феодосии.

– Так, Феодосия, – притащив из дедушкиного кабинета толстый фолиант в кожаном переплете, открыл его на нужной странице Дим. – «Портовый и курортный город юга Малороссии на юго-восточном побережье Крыма. Основан греческими колонистами из Милета в VI веке до нашей эры».

– Вот это да! – взглянул на внимательно слушавших домочадцев и продолжил читать дальше. – «С 355 года входил в состав Боспорского царства и имел аланское название Ардабада, далее был захвачен хазарами, а потом перешел под контроль Византии.

В XII веке был колонизирован генуэзцами и назван Каффой, а в 1771 году взят русскими войсками и получил название Феодосия».

– Интересно, – захлопнул книгу Дим. – А про Каффу мне рассказывал дед Оверко.

Последний был дедом по отцовской линии, происходил из запорожских козаков и жил в хуторе над Днепром, куда в начальных классах мама дважды возила сына. Там, с его легкой руки, внук научился скакать на лошади, драть раков в ставке, а еще танцевать гопака под бубен.

В следующую субботу Дим, наряженный в матросский костюмчик и бескозырку, отправился с родительницей с Курского вокзала в сторону Крыма...

В Феодосию поезд прибыл в полдень. Прихватив чемодан с баулом, Марья Михайловна с сыном на извозчике с вокзала отправились в санаторий.

В прохладном холле санатория Мария Михайловна объяснила администратору кто она, та ответила, что предупреждена и сопроводила прибывших к коменданту.

---

⁸ Комэск – командир эскадрона в Красной Армии.

– Как же, как же, ждем-с, – расшаркался комендант. – Московским специалистам мы всегда рады.

Чуть позже путешественники распаковывали вещи в предоставленном им служебном номере, а в открытое окно лился запах цветов и моря.

На следующее утро доктор Вонлярская приступила к своим обязанностям, а Дим, получив надлежащий инструктаж, после завтрака сразу же отправился к морю. Оставлять его одного мать не опасалась, для своих лет парень был достаточно самостоятельным, к тому же мог постоять за себя и отлично плавал.

Выйдя на набережную с дефилирующими по ней отдыхающими, Дим для начала выпил стакан газировки у толстой тетки, расположившейся со своей тележкой под полотняным тентом, а затем по тропинке сбежал вниз, к тянущемуся вдоль залива пляжу.

Сбросив сандалии, он вошел по колено в тихий шорох волн, после чего радостно заорал:

– Здравствуй, море!

– Мальчик, ну чего ты кричишь, как в лесу, – недовольно протянула загорающая неподалеку в шезлонге дама, а копающаяся рядом с ней в песке малышка в панамке звонко рассмеялась: «Здластвуй!»

– Извините, тетя, – выбрел на берег Дим и, прихватив сандалии, пошлепал по урезу воды вдоль пляжа.

Затем он узрел вдали что-то вроде причала и решил его исследовать.

Оставив позади людную часть пляжа, Дим приблизился к сооружению (оно было заброшенным и ветхим) и увидел под настилом у береговых свай группу мальчишек. Трое, мутузили одного, рыжего, а тот стойко оборонялся. Налицо была явная несправедливость, и Дим тут же ввязался в драку.

Самый активный получил от него в нос и с воем покатился по песку, второго рыжий ловко поддел «на кумпол», а третий кинулся бежать, резво мелькая пятками.

– Канайте отседова! – бросил мальчишка своим врагам, после чего сунул незнакомцу руку. – Жека.

– Дим, – протянул тот свою и кивнул на удалявшихся ребят. – Чего они к тебе прикопались?

– Эти шкеты⁹ с Карантина, я с Форштада, – шупая заплывший глаз, ответил рыжий. – Традиция у нас такая: как только пересекаемся, сразу драка.

– Ха-ха-ха! – чуть присев, закатился смехом Дим, а Жека недоуменно на него уставился.

– Ты чего?

– Да понимаешь, – утерев выступившие на глазах слезы, ответил Дим. – У нас на Солянке тоже.

– А Солянка это где? – почесывая ногой ногу, спросил Жека.

– В Москве, – последовал ответ. – Я вчера оттуда приехал.

И потекли незабываемые дни каникул.

Для начала Дим познакомил маму с новым приятелем (та отнеслась к этому с пониманием), а Жека провел с ним экскурс по «местам боевой славы». Таковыми явились остатки геноузской крепости, которую мальчишки излазили сверху донизу, турецкая мечеть Муфтий-Джами, несколько древнеармянских церквей и, самое главное, место стоянки легендарного броненосца «Потемкин».

К сему присовокупился ряд удачных набегов на сады местных аборигенов за черешней, ловля черноморских бычков, ныряние со скал и купание на пляже.

Но все хорошее когда-нибудь кончается, пришли к завершению и каникулы.

---

⁹ Шкет – уличный мальчишка.

Тихим августовским вечером, под треск цикад в пристанционных акациях семья Вонлярских убывала в Москву, «на зимние квартиры».

За окном проплывал неширокий перрон, на котором среди провожающих стоял Женька, а Дим махал ему из окна бескозыркой...

Новый учебный год начался с новой школы.

Гранит наук потомок запорожцев шелкал как орешки, но весьма любил побузить и был героем педсоветов.

Зато дворовое братство «докторенка» ценило. За верность товариществу, бойцовский нрав и независимость.

В результате два директора, ничтоже сумняшеся, поочередно от него отказались, а третий принял под свое крыло после долгих уговоров мамы и бабушки.

– Если вас, молодой человек, исключат и из этой, – попыхивая трубкой, заявил дед Михаил Николаевич внуку, когда 1 сентября последний собирался в «храм науки», – останется одно. Стать сапожником. Как Ванька Жуков.

Такая перспектива Дима не устраивала, и скрепя сердце он решил работать над собою. Тем более что все условия к тому были.

Страна ковала трудовые подвиги, Чкалов совершил свой знаменитый перелет Москва – Ванкувер, а молодое поколение массово занималось спортом.

И Дим стал совершенствоваться. Для начала сдал нормы «Ворошиловский стрелок», а потом стал прыгать с парашютом в ЦПКО имени Горького. Там имелось две вышки. С одной сгали столичные и приезжие смельчаки, а вторую использовала работавшая там секция. Росла и его страсть к морю.

В библиотеке бабушки любознательный внук прочел всего Станюковича, Конрада и Мариэтта, после чего у него возникла мысль стать морским офицером.

Однажды вечером, когда Дим возвращался домой после тренировки, он лицом к лицу столкнулся со своим старым знакомцем Тарзаном.

Тот был в форме лейтенанта-пограничника и с девушкой. – Здорово, докторенок! Ну, ты и вымахал, – протянул первым руку.

– Здорово, – пожал ее Дим, с интересом разглядывая Тарзана.

– Вот приехал в отпуск после училища, – сказал тот. – Ну а ты как? Куда думаешь после школы?

– Еще не определился, – пожал плечами Дим. А девушка капризно надула губки:

– Ну пойдем, Толя. В кино опоздаем.

– Успеем, – взглянул на часы лейтенант. – А тебе, Дим, скажу так. И продекламировал: – «Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать жизнь с кого, скажу, не задумываясь – делай ее с товарища Держинского!» Помнишь, кто сказал?

– Помню. Маяковский.

Вслед за этим они распрощались, и пара растворилась в вечерних сумерках.

После этой встречи Дим еще больше укрепился в своей мысли, которой и поделился с родными.

– Офицерами были твой отец и дед, – сказал Михаил Николаевич. – Достойное решение.

Мама тоже его одобрила, а бабушка вздохнула. Ей не хотелось, чтобы внук был военным.

Летом 1940-го, получив «аттестат зрелости», Дим отправился поездом в Баку. Поступать в Каспийское высшее военно-морское училище.

Вступительные экзамены сдал успешно, после чего кандидат Вонлярский предстал перед мандатной комиссией.

– Почему у вас в аттестате тройка по дисциплине? – поинтересовался начальник училища, капитан первого ранга Сухиашвили.

– Дратся любил, – коротко ответил Дим.

– Как драться?

– Разряд по боксу у меня.

– А удостоверение есть?

– Так точно! – уже не притворяясь паинькой, гаркнул Вонлярский и вытащил удостоверение.

Воцарившуюся после этого краткую паузу вновь нарушил начальник училища.

– Вы хотите быть моряком?

– Так точно!

– Вы им будете. Идите!

Так мечта Дима стала реальностью.

Все, что касалось флота, будущие командиры постигали без дураков. Дим и его сокурсники были уверены: не сегодня-завтра начнется война, и готовились к этому очень серьезно. Парни изучали штурманскую, артиллерийскую, минную и другие дисциплины, боролись за живучесть на учебных циклах, стреляли на полигоне из винтовок по мишеням. Но молодость есть молодость. В увольнениях суровый флотский кураж уступал место безмятежности. Курсанты устраивали променаж по вечерним набережным Баку, ухаживали за девушками, дарили им цветы, посещали танцплощадки и местные духаны¹⁰.

В духанах они любили подкрепляться истекающими соком горячими чебуреками, остужая их жар стаканом-другим холодного портвейна. А заодно постигали одну из флотских заповедей, при которой на вопрос «Что должен уметь каждый моряк?» следовал ответ: «По крайней мере три вещи: правильно подойти к причалу, столу и девушке».

При всем этом ребятам страшно хотелось выглядеть бывальыми. Для чего муаровые, с золотом ленты бескозырок удлинялись «до кормы», форменки приталивались, а клеша, наоборот, уширялись до полуметра.

Кроме военно-морских дисциплин, особое значение в КВВМУ уделялось физической подготовке. Курсанты регулярно выходили в море на гребных ялах, бегали по утрам пятикилометровый кросс и занимались плаванием.

Спустя несколько месяцев Дмитрий Вонлярский стал заместителем командира взвода и старшиной первой статьи, что воспринял с энтузиазмом.

---

¹⁰ Духан – харчевня на Востоке.

Глава 2. С корабля на бал

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы...

Из речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года.

Война для Дима и его сокурсников началась вполне ожидаемо, то есть победоносно. На чужой территории и малой кровью. Словом, так, как и обещал Клим Ворошилов – Первый Маршал и кумир всей тогдашней советской молодежи.

Тридцать первого августа сорок первого Вонлярского и его товарищей сняли с учебного корабля «Правда», где они проходили морскую практику, после чего в составе мощной десантной группировки высадили на иранском побережье Каспия, близ города Пехлеви. Это малоизвестная в истории операция призвана была отбить у Гитлера и его единомышленников в Иране саму мысль посягнуть с юга на стратегически важный район бакинских нефтяных промыслов.

Многочисленному и решительно настроенному десанту краснофлотцев противостояли лишь мелкие диверсионные группировки иранцев, подготовленных немецкими инструкторами. Под дулами главного калибра канонерских лодок «Красный Азербайджан» и «Бакинский рабочий», а также других кораблей Каспийской флотилии, «воины Аллаха» благоразумно драпанули.

А высадившиеся на берег моряки быстро прочесали побережье и, прихватив кое-какие трофеи, отчалили на шлюпках к кораблям, грозно покачивавшимся на внешнем рейде.

– Ну что же! Так воевать не хило! – сказал себе курсант Вонлярский после благополучного возвращения на мыс Зых, в казармы родного училища.

Вечером в клубе в очередной раз крутили всю ту же неувядаемую картину «Если завтра война, если завтра в поход», где красноезвездные чудо-богатыри играючи громили и гнали с родной земли чужеземных супостатов, что весьма впечатляло, и каждому хотелось стать героем.

Однако все это как-то не вязалось с все более тревожными сводками с фронта.

Когда же в очередной раз низкий голос Левитана сурово сообщил о кровопролитных боях под Вязьмой, Дим не знал, что и думать.

А потом он узнал трагическую правду от мамы. Тяжело раненная под Смоленском, военврач III-го ранга Вонлярская была эвакуирована в бакинский госпиталь, где и произошла ее встреча с сыном.

На встречу похудевший Дим принес несколько мандаринов и кулек кураги – гостинец.

Похудевшая, с горячечным блеском в глазах, Мария Михайловна рассказала Диму о стретельном отступлении Красной Армии к Смоленску и тяжелых уличных боях, развернувшихся в городе, страшном котле под Вязьмой, где в окружение попали четыре наших армии.

Находиться вдали от фронта, где уже успела побывать мать, Дмитрий больше не мог, а к тому же он полагал, что без него войну не выиграют.

И забросал командование рапортами.

Были несколько нелестных разговоров, но своего он добился.

В октябре 1941-го училище проводило на фронт первый отряд курсантов. Принявший их на борт корабль отшвартовался в Красноводске, где моряков погрузили в теплушки и состав последовал странным маршрутом – через Ташкент и Алма-Ату в сторону Барнаула.

– Куда везут? – недоумевали Дим с друзьями, наблюдая за мелькавшими полустанками, забитыми эшелонами с эвакуированными.

Гремели колеса на рельсовых стыках, в щели задувало, тревожно ревел гудок паровоза.

Прибыли в Новосибирск, в качестве пополнения 71-й Тихоокеанской бригады морской пехоты под командованием полковника Безверхова.

Дальнейшие события приобрели стремительный характер. Бригаду за три дня литерным поездом перебросили в подмосковный Дмитров.

Это были решающие дни для судьбы Москвы и всей страны в целом.

Гитлеровский план «Тайфун» по захвату столицы Советского Союза вступил в фазу завершения.

Ударные части вермахта из группы «Центр» всю утюжили поля ближайшего Подмосковья, а их передовые разведывательные дозоры несколько раз выскакивали к северным и северо-западным окраинам столицы.

Одной из групп даже удалось установить дальнобойные орудия в районе Красной Поляны, откуда до Кремля было рукой подать: всего два с половиной – три десятка километров.

К счастью, вызванный по звонку из сельсовета неизвестной женщиной отряд красноармейцев буквально в последнюю минуту избавил город от прицельного огня вражеской артиллерии.

В этот же день, 27-го ноября, еще более серьезная угроза возникла на северо-западном направлении. Части 3-й танковой армии вермахта захватили стратегический мост через канал Москва-Волга.

После этого никаких других естественных препятствий и никаких сопоставимых с фашистами сил, у них на пути не было.

Лишь ценой невероятных усилий и снова в последний момент навстречу изготовившемуся к последнему прыжку врагу советское командование перебросило 1-ю ударную армию генерала Кузнецова.

Ее бойцы с ходу нанесли врагу столь мощный удар, что тот не только оставил мост, но и находившуюся за ним Яхрому, а заодно и целый ряд других пунктов.

Однако дальше немцы закрепились на удобном для себя рубеже по линии деревень Языково-Гончарово-Ольгово и с господствующих над местностью высот расстреливали наши наступающие части.

В Берлине уже гремели победные фанфары под лай бесноватого фюрера с трибун, арийцы вопили «хайль!», готовился сценарий парада фашистских войск на Красной площади...

А в это же самое время включенная в 1-ю ударную армию отдельная Тихоокеанская бригада морской пехоты скрипела сапогами по снегу в сторону деревни Языково. Навстречу мела поземка, ветер рвал полы шинелей, где-то далеко полыхало и гремело.

Здесь бойцов впервые за много дней накормили горячей пищей из полевых кухонь.

– Да, харч здесь «не того», – черпая с Димом из одного котелка жидкий суп, шмыгнул носом конопатый Юрка Бубнов. – Крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой.

– Ничего, перебьемся, – откусил старшина кусок черняшки и потянулся к парящей рядом алюминиевой кружке. Дегтярного цвета чай был без сахара и пах рыбой.

На марше подразделение довооружили новенькими винтовками СВТ¹¹ и бутылками с зажигательной смесью, а заодно выдали противогазы.

Противогазы за явной ненадобностью ребята повесили у дороги на кусты, а освободившиеся сумки наполнили патронами и гранатами.

---

¹¹ СВТ – самозарядная винтовка Токарева.

К бутылкам отнеслись с некоторым сомнением. Зато ладным винтовкам явно обрадовались. С таким оружием в атаку только и ходить. Не зря же с ними маршировали на довоенных смотрах и парадах.

Впрочем, Дим предпочел бы автомат. И еще белый полушубок. Но теплые щегольские кожанки полагались только комсоставу. А автоматов ППД¹² на всю бригаду было только два. У комиссара Боброва и у самого комбрига Безверхого.

Первый же бой расставил все по своим местам. Жестоко и кроваво. Белые кожанки оказались замечательной мишенью. По этой начальственной примете немецкие снайперы первым делом перещелкали почти весь командный состав.

Не оправдали надежд и самозарядные винтовки. На лютом морозе у многих отказал подающий механизм.

Так что уже в самом начале атаки Диму вынужденно пришлось возглавить взвод и, как все остальные, бежать на врага с примкнутым штыком, но зато с «полундрой»¹³ и в бескозырке.

Подпустив атакующие цепи поближе, фашисты открыли шквальный огонь и положили моряков в снег. Тут бы им и остаться, но выручил командир разведки лейтенант Павел Сухов. Приказав закидать себя снегом (маскхалатов не было), он сумел подобраться к пулеметной огневой точке у церкви и закидал ее гранатами. В последнем отчаянном рывке морские пехотинцы ворвались на окраину села, и началась рукопашная.

Своего первого немца Дим заколол штыком, содрогнувшись от брезгливого чувства, и все завертелось в бешеной круговерти. В воздухе висел черный маг, рвались гранаты и гремели выстрелы, в дыму горящих танков и изб мелькали искаженные лица.

Потом винтовку рвануло из рук (штык чем-то перебило), и осатаневший Дим перехватив ее за горячий ствол, стал гвоздить немцев по головам прикладом.

Когда бой закончился и Языково отбили, в его руках остался только жалкий обломок.

Враг же между тем перегруппировался и, подтянув танки с артиллерией, сам пошел в атаку. При поддержке авиации.

Не получив огневой поддержки от своих, бригада отошла к ближайшему лесу.

Из того боя обе стороны извлекли уроки.

Моряков тут же перевооружили безотказными «трехлинейками» образца 1891/31 года, а заодно экипировали ватными штанами с телогрейками. Техники, однако, не подкинули. Ее остро не хватало.

Один из «неосознавших» это комдивов получил взбучку лично от начальника Генерального штаба Жукова.

В ответ на грозное Жуковское «Почему топчешься на месте?!» тот посетовал на отсутствие артиллерийской поддержки. И нарвался на ответ.

– Об артиллерии забудь! Тебе дали десять маршевых батальонов! Дадим еще десять! И только попробуй не выполнить приказ! Расстреляю!

Зато у немцев с поддержкой, особенно с воздуха, все было в ажуре. И теперь они делали все, чтобы не допустить «черную смерть» на дистанцию штыкового боя. О том, что моряки не берут их в плен, гитлеровцы уже знали. Накануне, во время затяжного боя за несколько раз переходившее из рук в руки Языково, они страшно расквитались за свой яхромский позор.

И старшина Вонлярский с ребятами были тому свидетелями. В очередной раз ворвавшись после удавшейся атаки в деревню, они наткнулись на обезображенные тела своих ранее попавших в засаду товарищей из бригадной разведки. У них были выколоты глаза, а на груди вырезаны звезды. Все это так потрясло Дима, что он невольно отвел взгляд в сторону – туда, где густо чадил только что подбитый немецкий бронетранспортер. Из его развороченного бока

---

¹² ППД – пистолет-пулемет Дегтярева.

¹³ Полундра (жарг.) – берегись.

вместе с кипой новеньких офицерских мундиров на покрытый копотью снег вывалилась целая россыпь свежее отштампованных «железных крестов».

У этой выпотрошенной немецкой мечты пройти парадом по Красной площади, над изуродованными телами своих растерзанных товарищей старшина первой статьи Вонлярский вдруг отчетливо понял: «Пошады не жду. Но и вы ее не ждите, гады!»

Через день немцы вновь выбили моряков из Языково. И снова предстояло начинать все сначала. Потом, после окончательного освобождения деревни, соединение отбивало у врага Солнечногорск и Клин, успешно действовало на Северо-Западном направлении.

В начале января 1942-го за мужество и героизм, проявленных в боях за столицу, оно стало именоваться 2-й Гвардейской бригадой морской пехоты. Но Дим этого уже не знал.

После тяжелого ранения в бедро во время последнего боя за Языково он оказался в военно-полевом госпитале в Иваново. Врачи хотели ампутировать ногу, но Дим категорически отказался.

– Умрешь от гангрены, парень, – сказал главный хирург.

– Пусть, – был ответ. – Как я без нее воевать буду?

Ногу все-таки спасли, сделав несколько операций. Расположенный в школе госпиталь был до отказа набит ранеными. На трех его этажах стонали, вопили от боли и матерились. Одни выздоравливали – другие умирали.

В палате, где лежал Дим (это был класс с грифельной доской и атласом СССР на стенах), таких было человек двадцать. Всех родов войск, от рядовых до младших офицеров.

Рядом со старшиной закованный в сплошной корсет из гипса, из-под которого тек гной, лежал танкист, скрипевший по ночам зубами от боли, а с другой стороны – сбитый под Яхромой летчик. У младшего лейтенанта была перебита рука, он уже шел на поправку.

Был там и еще один моряк-тихоокеанец, которого Дим знал шапочно, с контузией и простреленным плечом – он лежал напротив, у окна, за которым виднелись голые ветви тополя.

Поначалу ослабевший от операций и потери крови старшина воспринимал все как в тумане, но потом пошел на поправку. Сказались железный организм и воля к жизни. Через месяц, зажав подмышку костыли, Дим уже ковылял по палате, а потом стал выбираться в длинный коридор, пытаясь ступить на ногу.

Имея легкий характер и неистребимый оптимизм, моряк быстро перезнакомился с соседями по палате и кроме сослуживца по бригаде (того звали Володей Ганджой) сдружился с соседом по койке, летчиком Васей Поливановым. После утренних процедур они часто выбирались в коридор и дальше, на лестничную площадку, где можно было подымить махрой, не привлекая к себе лишнего внимания. А еще они рассматривали из окна старинный город, разделенный надвое рекою Уводь, купола церквей и проходящие по улицам стайки девушек.

– Ск-олько их здесь! – восхищенно крутил головой заикающийся Вовка.

– Много – отвечал всезнающий лейтенант. – Текстильщицы.

К вечеру вместе с другими выздоравливающими друзья собирались у висящего на стене атласа. На нем пожилой дядя из ополченцев, с перевязанной головой, слюнявя огрызок химического карандаша, аккуратно обводил названия освобожденных городов.

В ходе наступательной операции Красной Армии под Москвой немцы потерпели сокрушительное поражение. Их войска были отброшены на сто пятьдесят – двести километров от столицы. Полностью освобождены Тульская, Рязанская и Московская области, многие районы Калининской, Смоленской и Орловской.

Однажды в воскресенье палату навестили летчики. Майор и старший лейтенант с сержантом. Майор от имени командования вручил Поливанову орден «Красной звезды», капитан толкнул короткую речь, поздравив всех раненых с победой, а сержант, подмигнув Вовке, сунул тому под кровать вещмешок, в котором что-то звякнуло.

Потом летчики попрощались и ушли, а кто-то из лежачих спросил, мол, за что ж тебе такой орден, младшой? Расскажи, пожалуйста.

– Да я это, немецкий «мессершмитт» сбил, – покраснел Вася. – Так, случайно.

Палата грохнула смехом, а пожилой ополченец даже прослезился. – Дай я тебя расцелую, сынок, – подошел к Полетаеву и чмокнул того в щеку.

В оставленном сержантом «сидоре»¹⁴ оказался изрядный шмат сала, головка сыра и несколько пачек галет, которыми Вася оделил всех в дополнение к ужину, а еще фляжка с водкой. Ту он придержал до ночи.

Когда же палата погрузилась в сон, тяжелый и беспокойный, вся тройка собралась вместе – «обмыть» орден.

– Ну, чтоб этот «м-мессер» был у тебя не п-последним, – поднес к губам фляжку Володя.

Поздравив друга, Дим тоже сделал изрядный глоток, а когда лейтенант хлебнул третьим и шумно выдохнул, с соседней койки раздался хриплый шепот: – Братки, дайте и мне немного.

Летчик с моряками удивленно переглянулись (говорившим был считавшийся безнадежным танкист в корсете), и Полетаев сунул ему в обросший рот горлышко, тот довольно зачмокал.

– Порядок, – со знанием дела заявил Ганджа. – Пьет, значит, жить будет.

Запомнился Диму и еще один случай. В канун Первомая в госпиталь пришли школьники с учителями. Все без исключения худенькие и глазастые. Поздравить раненых и дать небольшой концерт.

Сначала под баян они сплясали полечку, затем почитали стихи Пушкина и Фета, а в завершение шустрый первоклашка-конферансье звонко объявил: «Марш “Москва-Майская”! Исполняет хор учеников 42-й школы!»

Ребятишки выстроились в ряд, вперед вышла девочка с хвостиками-косичками. Качнув головой, баянист развернул меха, и зазвучала песня:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

Взлетел к потолку спортзала, в котором сидели раненые, серебряный голосок, и его оттенил бодрый хор голосов:

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая, —
Страна моя,
Москва моя —
Ты самая любимая!

У многих бойцов с командирами увлажнились глаза, а у Дима прошел мороз по коже...

После праздника приехала мама. К тому времени Мария Михайловна была начальником санчасти Тбилисского пехотного училища и сумела организовать перевод раненного сына поближе к себе, в госпиталь, расположенный в столице Грузии.

По дороге все еще сильно хромающий Дим заехал на несколько дней в Москву. Родной город, в котором он не был два года, поразил малолюдьем и прифронтовым обличем. Садо-

---

¹⁴ Сидор (жарг.) – вещмешок.

вое кольцо у метро «Парк культуры» перегораживали противотанковые ежи и выполненные из мешков с песком баррикады, от Белорусского вокзала по Ленинградскому шоссе в сторону фронта шли колонны танков, над улицей Горького и Кремлем висели аэростаты противовоздушной обороны. Ближе к ночи в столице объявлялись воздушные тревоги, в небе метались лучи прожекторов, и от зенитной канонады дрожали стены зданий.

В опустевшей квартире в Лучниковом переулке племянника встретил родной брат мамы – дядя Миша.

– Ну вот, ранили меня, – опираясь на костыль и словно оправдываясь, сказал Дим. – Теперь, наверное, и повоевать не успею.

– Успеешь, – тяжело вздохнул дядя. Участник Гражданской войны на стороне белых, в прошлом офицер-дрозовец, ставший в советское время ответственным работником одного из министерств, Михаил Михайлович Вавилов военную науку помнил хорошо и в происходящем на фронтах разбирался профессионально.

– Самые сильные бои будут на Волге. Вот увидишь, – сказал он племяннику, когда они пили чай с сухарями на кухне.

– Да разве немцы туда дойдут?! – округлил глаза Дим.

– Полагаю, да. Но потом их погонят обратно.

Старшина не мог в это поверить. В его память намертво врезались слова самого товарища Сталина, произнесенные с трибуны во время ноябрьского парада 41-го: «Еще несколько месяцев, полгода, максимум год и фашистская военная машина рухнет под тяжестью совершенных преступлений».

В 1943 году, уже после Сталинградской битвы, дядю засадят в лагерь под Ухту. Как контрреволюционный элемент. Надолго. Правда, Дим об этом ничего не знал. Родня об этом в своих письмах будет помалкивать. Засиделись далеко за полночь, потом Михаил Михайлович уложил племянника спать, а утром Дим решил отоварить аттестат, с продуктами у дяди было туго.

На армейском продпункте у Белорусского вокзала он получил пару кирпичей хлеба, гречневый концентрат, шмат сала, цыбик¹⁵ чаю и кулек сахара, решив сделать подарок старику от племянника.

А затем, оставив все дома, похромал в военкомат – сделать отметку в проездных документах. Каково же было его удивление, когда там лицом к лицу Дим столкнулся с одним из друзей, с которым занимался в секции бокса. Звали того Сашка Перельман, был он с двумя кубарями на петлицах, в черной перчатке на левой руке и с орденом «Красной Звезды» на гимнастерке.

– Сашка, черт! Димка! – обнялись бывшие «динамовцы». – Вот так встреча!

Чуть позже они сидели в прокуренном кабинете Перельмана и обменивались новостями. Сашка рассказал, что воевал под Ржевом, где был ранен, и теперь – помощник военкома. Дим поведал о своем боевом пути, а заодно спросил Сашку, что тот знает о других ребятах.

– Витя Сомов убит под Ельней, – вздохнул тот. – Семка Карабанов и Денис Гончар на Дону, об остальных не знаю.

– М-да, – нахмурился Дим, и приятели надолго замолчали.

– Слушай, а давай сходим вечером в ресторан, – закурил папиросу Перельман, – посидим там, ребят помянем. Я угощаю.

– Разве сейчас они работают? – удивился Дим. – В такое время.

– Не все, – пожевал тот мундштук, – но жизнь продолжается.

---

¹⁵ Цыбик – пачка.

Далее лейтенант сходил в канцелярию, где поставил в документах Дима нужный штамп, после чего они договорились встретиться в 20.00 на Кузнецком мосту у коммерческого ресторана. Что такие появились в Москве, для Дима тоже было новостью.

– Только ты вот что, – сказал Перельман, ткнув папиросой в пепельницу. – Надень гражданку, если есть, туда патрули наведываются.

Ровно в назначенный час Вонлярский подошел к ресторану, где его уже ждал лейтенант, в гражданском костюме и шляпе.

– Ничего, – одобрительно оглядел он Дима (Сашка был в таком же и в кепке), – теперь можно и внутрь, принять по граммულке.

В ресторане с зашторенными окнами было тепло и уютно. Сверху лился мягкий свет люстр, зал был заполнен наполовину.

– Вроде и не война, – сказал Дим, когда сдав верхнюю одежду в гардероб, они присели за свободный стол. После чего оглядел публику: – Не иначе герои резерва?

– Тут всякой твари по паре, – ответил Сашка, подзывая официанта.

– Чего желаете? – подлетел к нему млаожавый хлыщ. – Имеются свежая семга, телятина и зелень, из горячительного коньяк, водка и шампанское.

– Графин водки, – просмотрел меню Перельман, – селедку и отбивные по-киевски.

– Слушаюсь, – пропел хлыщ и упорхнул в сторону кухни.

Первой помянули ребят и навалились на еду. Затем лейтенант набулькал по второй, и они со старшиной выпили за встречу.

– Я-то, похоже, отвоевал, – кивнул на руку Перельман. – А ты, Димыч, береги себя, если сможешь.

– Здесь, Санек, как получится – тряхнул чубом старшина. – Давай за победу.

Выпили и обернулись на громкий мат, прозвучавший от соседнего столика. Там гуляла компания из двух крепких парней и пары размалеванных девиц в крепдешинах¹⁶.

– Полегче! – бросил им Дим. – Здесь вам не малина.

– Чего-чего? – поднялся со своего места, один. – Ах ты, сука!

В ответ старшина молча встал, опираясь на трость, шагнул к компании и врезал парню в ухо. Тот обрушился на пол, а девицы оглушительно завизжали.

– Зарежу, падла, – прошипел второй, и в его руке блеснула финка.

– Сидеть! – рявкнул Перельман. В лоб тому, с финкой, уставился черный глазок пистолета.

Через пару минут появился милицейский наряд (всем приказали оставаться на местах), и у сторон проверили документы.

– Так, товарищи, к вам вопросов нет, – вернул их фронтовикам пожилой капитан, – а всю эту братию, – приказал он сержантам с автоматами, – в участок.

– И много такой швали в Москве? – проводил взглядом уводимых Дим.

– Хватает, – кивнул Сашка. На следующий день, простившись с дядей, старшина убыл к месту лечения. Из госпиталя он выписался осенью 42-го, и начальник пехотного училища, в котором служила мама, сделал предложение. Включить в число свежеиспеченных лейтенантов.

Дмитрий ответил по-флотски коротко:

– В пехоту не пойду!

– Останешься здесь, преподавателем, – напирал начальник.

– Спасибо. Не надо.

И, получив направление, уехал в город Потти, в полуэкипаж Черноморского флота, где вновь прибывших моряков, согласно заявкам командования и с учетом специальности, отправляли на корабли и в береговые части.

---

¹⁶ Крепдешин – разновидность ткани.

Здесь же Дим случайно узнал, что весь офицерский выпуск училища, в которое его «сва-тали», погиб по дороге в Сталинград. Эшелон разбомбила немецкая авиация.

Глава 3. В парашютно-десантном батальоне

...По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боёв подбито и уничтожено 586 немецких танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 203 самолёта противника...».

Из оперативных сводок Совинформбюро от 5 июля 1943 года.

Крейсер «Молотов», на который был направлен старшина первой статьи Вонлярский, вошел в состав флота в июне 41-го и был одним из новейших кораблей своего класса. Спущенный со стапелей Николаевского завода два года назад, он имел мощное артиллерийское вооружение, высокую скорость плавания и хорошо сработавшийся экипаж, состоящий из 863 офицеров, старшин и матросов.

Хлебнувший под Москвой лиха, Дим попал почти в мирную обстановку. Служба на корабле напоминала учебный отряд – с утренней побудкой, боевой учебой и вахтами. Корабли подобного ранга в открытое море выходили редко. Враг доминировал на воде и в воздухе. И командование флота их берегло, укрывая в порту Поти за двойным боновым ограждением. Впрочем, когда поступал приказ, крейсер вытягивался на внешний рейд и, следуя вдоль побережья, поддерживал орудийным огнем ведущие там бои наши части.

Мощные залпы сотрясали корпус, от боевой работы кипела кровь, а потом следовала дробь «отбой», и все кончалось. «Молотов» возвращался на базу до очередного выхода.

От столь размеренной службы командир рулевых сигнальщиков Вонлярский заскучал и стал украшать себя наколками. Первая, на морскую тематику, появилась еще в училище, а теперь мускулистый торс старшины украсился изображениями военно-морского флага, боевого корабля и якорей со штурвалом. Венцом же столь живописной композиции явился вольно парящий на спине Дима ангел в бескозырке.

– Он будет приносить тебе удачу, – довольно оглядев свою работу, заявил служащий по пятому году комендор и по совместительству корабельный художник Сашка Талалаев.

И ангел не подвел.

Спустя неделю, просматривая флотскую газету, Вонлярский обнаружил в ней короткую заметку о наборе в специальное подразделение – парашютно-десантный батальон ВВС Черноморского флота. По прошествии многих лет один из его организаторов, адмирал Азаров, признался: «Отбирая ребят в этот десантный батальон, мы знали, что все они смертники».

Но Диму об этом было неизвестно. Да и в противном случае он бы все равно не отказался. Уж очень манили славные дела парашютистов. Об одном таком славном деле старшина знал и восхищался смелостью участников.

Десантировавшись среди бела на фашистский аэродром под Майкопом, моряки из ПДБ перебили охрану с летчиками, сожгли все самолеты, пункт управления и узел связи, а заодно взорвали хранилища с горючим и боеприпасами.

Затем отошли в горы к партизанам, откуда были вывезены к месту постоянной дислокации, в селение Дзомби под Тбилиси. Вот там Дим и решил продолжить войну, записавшись в добровольцы. Но прибыл на место, как говорят «к шапочному разбору». Набор в спецподразделение был окончен.

Однако сдаваться старшина не собирался. Кто-то подсказал ему: «Вон идет комбат, гвардии майор Орлов, поговори с ним». Дим вырос перед офицером как из-под земли.

– Товарищ гвардии майор! Гвардии старшина первой статьи Вонлярский! Разрешите обратиться!

– Обращайтесь, – сухо разрешил комбат. – Только покороче.

– Хочу служить в вашем подразделении. Но немного опоздал, – доложил Дим. – Может, все-таки возьмете?

Рослый, явно недюжинной силы майор хмуро оглядел старшину.

– Медицинская комиссия работу закончила. Ничем помочь не могу. Идите в штаб, там вам оформят документы туда, откуда прибыли.

– Я уже прыгал с парашютом и к тому же боксер-разрядник, – выдал свой последний козырь Дим. – Очень прошу, возьмите.

– Вот как? – приподнял бровь командир. – Уточните.

– Боксом занимался в Москве, в обществе «Динамо», а парашютным спортом в ЦПКО имени Горького.

Помимо ряда замечательных качеств, майор отличался чутьем на профпригодность и человеческую надежность тех, кто претендовал на службу в его специфическом хозяйстве. Обычно, двигаясь вдоль строя кандидатов, Орлов негромко командовал:

– Шаг вперед. И вы, пожалуйста. И вы...

Затем оборачивался к начальнику штаба капитану Десятникову:

– Этим оформите документы на возвращение в часть! Они прыгать не смогут.

Отвергнутые, как правило, начинали кипятиваться:

– Товарищ майор! Вы же не видели меня в деле. Разрешите попробовать?

– Нет, ребята, – сочувственно, но твердо возражал комбат. – Есть летчики – настоящие асы, в небе отлично воюют. А прыгать с парашютом не могут. Факт.

Сам гвардии майор был человеком действия и умел все, необходимое десантнику. Вместе со своими орлятами он не раз высаживался в тыл врага, показывая пример отваги, умело руководил ими в бою и пользовался непререкаемым авторитетом.

Как-то во время тренировочных прыжков у одного из краснофлотцев не раскрылся парашют, и его смерть потрясла товарищей. Чтобы пресечь траурные настроения, Орлов с парашютом погибшего снова поднялся на самолете в небо, где выполнил второй прыжок, с предельно малой высоты и филигранной точностью.

– Никогда не теряйте самообладание, – сказал командир подбежавшим и окружившим его бойцам. – И действуйте строго по инструкции. Вопросы?

Вопросов не было...

К невесте откуда взявшемуся Вонлярскому скупой на симпатии комбат, как говорят, сразу же «проникся». Он вообще жаловал морпехов, поскольку знал тем боевую цену.

– Насколько вижу, уже были на фронте? – кивнул на его нашивку за ранение и гвардейский знак.

– Точно так! – последовал ответ. – В составе батальона морской пехоты под Москвою.

– Тогда вот что, – смягчился Орлов. – Бегом на медкомиссию. Доложите, мол, я прислал. Пропустит – будем служить вместе.

Заряженного силой и энергией на троих бравого старшину медики пропустили без оговорок. А то, что комбат в нем не ошибся, Дим доказал в первый же день пребывания в десантном батальоне. Вечером объявили: «Сегодня ночью будете прыгать с ТБ-3¹⁷».

Этот тяжелый, постройки 30-х годов бомбардировщик еще использовался в боях, а также при транспортировке грузов и высадке десантов. Только потом Дим узнал, что начинающих подводи́ли к прыжку не сразу. Вначале тренировали на наземных тренажерах, далее следовали прыжки с вышки, а затем был облет на самолете, где инструктор с пилотом наблюдали за поведением курсантов в воздухе. И только затем их допускали к настоящему прыжку. Причем в первый раз с «небесного тихохода» По-2, днем и в ясную погоду. А тут сразу с такого самолета! И ночью!

---

¹⁷ ТБ-3 – тяжелый бомбардировщик.

Однако старшина тогда и подумать не мог, что к новичкам эта команда не относится. А еще сыграла роль возникшая неразбериха, что порой случалось в военной обстановке. Обычных взводов в батальоне не было, их заменяли группы, руководимые офицерами.

В одну такую и вклинился Дим, получив от инструктора парашют, который тот помог ему надеть, а заодно дал короткое наставление.

– Есть, понял, – ответил Дим, чувствуя неудобность амуниции, но виду не подал, выдавая себя за бывалого курсанта.

А чтобы лучше вникнуть в суть предстоящего, решил схитрить и при посадке в самолет встал в конец цепочки. Мол, погляжу, как будут действовать те, что впереди и поступлю таким же макаром. Спустя десять минут, набрав нужную высоту и ровно гудя моторами, ТБ плыл в ночном небе. Вскоре последовала команда «Приготовиться!» (все встали), а потом Орлов рывкнул: «Пошел!» И вышло, что первым предстоит прыгать последнему.

Оказавшись перед открытым люком, Вонлярский чуть замешкался, что вызвало майорский гнев, вслед за чем с криком «Полундра!» Дим сиганул в черную бездну. По счастью, в тот раз прыгали с вытяжным фалом, который автоматически раскрыл купол, и, придя в себя, старшина вспомнил все, что говорил ему перед прыжком инструктор. Уцепившись скрещенными руками за стропы, развернулся по ходу снижения и сгруппировался. Когда внизу стала неясно просматриваться земля, а скорость возросла, пружинисто согнул ноги в коленях. Далее последовал изрядный удар, и Дим благополучно приземлился.

Ну а затем последовал «разбор полетов». Узнав новичка, Орлов учинил показательный разнос командиру группы лейтенанту Кротову и на этом ограничился. Вонлярский не обманул его надежд и оказался сметливым и храбрым малым. А Дим в это время под одобрительные взгляды других курсантов с волчьим аппетитом уплетал ударный паек. Такой полагался за каждый прыжок. Бутерброд с колбасой, шоколад и кружка какао.

Кроме прыжков с парашютом вновь прибывших учили ориентированию на местности, стрельбе, подрывному делу и рукопашному бою. Его навыки внедрял неприметный младший лейтенант по фамилии Пак, кореец по национальности. Первая встреча с инструктором, для Вонлярского оказалась плачевной. На второе утро, после кросса с полной выкладкой «младшой» выстроил новичков и коротко рассказал об основах джиу-джитсу. Как следовало из услышанного, джиу-джитсу относился к древнему виду японской борьбы, главным принципом которого было не идти на прямое противостояние, чтобы победить, а уступать натиску противника, направляя его действия в нужную сторону. А когда тот окажется в ловушке, обратить силу и действия врага против него самого.

– Однако, – протянул кто-то из шеренги. – Не по-русски как то.

Между тем лейтенант вызвал желающего для демонстрации.

– Я! – шагнул вперед Дим, глядя на Пака.

В том, что он уделает инструктора, сомнений у старшины не было.

– Нападай, – отступил назад инструктор и, согнув руки в локтях, чуть отвел их в стороны.

Дим прыгнул вперед, выдав серию сокрушительных хуков¹⁸ (те попали в пустоту), а в следующий миг рухнул на спину от молниеносной подсечки.

– Еще, – одобрительно кивнул младший лейтенант, после чего Дим вскочил и попытался выполнить апперкот¹⁹, но противник гибко поднырнул под него и с криком «ха!» швырнул старшину через себя на землю.

Упрямый морпех вставал еще и еще, результат был аналогичный, а затем инструктор прекратил бой и спросил, где тот учился боксу.

– В московском «Динамо», – утер разбитую губу Дим, уважительно глядя на офицера.

---

¹⁸ Хук – удар в боксе.

¹⁹ Апперкот – то же.

– Неплохо работаешь, – бесстрастно сказал Пак. – У меня после первого раза редко кто поднимался.

Спустя пару недель пополнение лихо сигало с «По-2» с парашютами, уверенно дырявило мишени из ППШ и немецких «шмайсеров», могло читать карту и минировать объекты, а также неплохо освоило рукопашный бой.

Последний Диму нравился особо, и своего лучшего ученика невозмутимый Пак, научил метать в цель штык-нож, саперную лопатку и финку...

...В тяжелых боях начался сорок третий год, были атаки, оборонительные бои и выбросы за линию фронта. Морской ангел берег Дима – тот не был убит и отправил в мир иной еще нескольких фрицев, а в составе поисковой группы взял ценного «языка», получив свою первую медаль «За отвагу». А еще обзавелся трофеями – «парабеллумом» и эсэсовским кортиком. Пистолет, слазав ночью на место недавнего боя к подбитому бронетранспортеру, он вместе с кобурой снял с убитого обер-лейтенанта, а кортик едва не прервал молодую жизнь старшины в одной из схваток.

Тогда атакующие фашисты ворвались в траншеи моряков, и завязался рукопашный бой, жестокий и молчаливый. Расстреляв в упор диск, Дим сцепился с жилистым эсэсовцем с «вальтером» в руке, который у него на глазах застрелил ротного комсорга.

– Ах ты мразь! – прохрипел Дим, и враги рухнули на дно траншеи. Немец оказался сверху (старшина едва успел выбить пистолет), а в следующий момент над ним блеснуло тонкое жало. «Кранты», – промелькнула мысль, а потом в башку немца, сзади врубилась саперная лопатка.

– Живой?! – заорал кто-то знакомым голосом, и смертоубийство продолжилось.

Спустя час в траншею положили всех фрицев, раненых добились (эсэсовцы моряков в плен не брали и те отвечали взаимностью), а потом долго напивались дымом самокруток и молчали. Смерть к разговорам не располагает.

Кортик же Дим оставил себе, очень уж он был по руке. С серебряной оплеткой на рукояти, острым золингеневским клинком и витиеватой гравировкой на нем «Blut und Ehre», что означало «Кровь и Честь». Девиз старшину вполне устраивал.

Потом, в многочисленных вылазках за линию фронта, Дим перережет им не одну арийскую глотку, а пока он подбрасывал трофей на ладони и радовался, что остался жив. Смертельный счет был в его пользу.

Все это время в перерывах между боями любящий сын писал короткие письма маме. В них он сообщал, что жив-здоров, бьет немцев, отмечен наградой и по утрам чистит зубы.

Мария Михайловна отвечала более обстоятельно, отмечая, что работы в госпитале прибавилось (шла битва на Курской Дуге и освободили Донбасс), но раненые пошли совсем другие. Бойцы с командирами горели желанием вернуться в строй и бить фашистов. А еще советовала беречь себя и не пить фронтовые сто грамм. Дабы не стать пьяницей.

– М-да, – читая ее письма, думал Дим. – Теперь пошла другая война. Не как раньше. Пришел «треугольник» и от Сашки Перельмана, с номером полевой почты. Теперь, уже получив старшего лейтенанта, тот служил в штабе стрелкового полка на Западном фронте.

– Без руки воюет, черт, – поцокал языком старшина. – Это ж надо!

И еще в тот переломный год Дим впервые влюбился. После контузии он на месяц попал в госпиталь, где, оклемавшись, познакомился с медсестрой. Звали ее Наталкой, девушка впечатляла красотой и ответила старшине взаимностью.

На ее дежурствах Дим рассказывал Наталке о Москве, Чистых прудах и Арбате, а девушка ему о Полтаве, откуда была родом, тихой реке Ворскле и яблоневых садах. Затем были встречи наедине, поцелуи и объятия, но вскоре все кончилось.

Старшину выписали, сделав отметку в истории болезни «годен к строевой», он снова вернулся в часть, и между влюбленными завязалась переписка. Через какое-то время она оборвалась, а когда ПДБ отвели на пополнение во второй эшелон, Дим, теперь уже замкомвзвода,

с разрешения майора Орлова рванул на армейских попутках в госпиталь. На плече у него висел «сидор» с подарками для любимой: несколько плиток трофейного шоколада, сахар и парашютный шелк, выпрошенный старшиной у интенданта. Наталки больше не было.

Во время одного из авианалетов ее убило бомбой, вместе с врачом и тремя ранеными. У братской могилы госпитального кладбища, в неглубокой балке²⁰, где похоронили всех пятерых, Дим сел на пожухлую траву, снял бескозырку и, зажав ее в руке, долго смотрел на прибитую к столбику фанерную табличку.

«Младший сержант Луговая Н. А. 1923–1943» значилось среди других фамилий.

А потом зарыдал, страшно, по-мужски, что с ним случилось на фронте впервые.

Утерев рукавом глаза, прошептал «Прощай, Наталка» и, напялив на голову бескозырку, широко пошагал в степь, где вдали пылила рокада²¹ и на далекий гул шли маршевые колонны.

---

²⁰ Балка – роща в степи.

²¹ Рокада – дорога, идущая вдоль фронта.

Глава 4. Первый орден

«...В 1944 году, после блестяще проведенного Отдельной Приморской армией десанта и захвата плацдарма на Керченском полуострове, для координации действий сухопутных войск и флота туда прибыл Ворошилов. Он приказал самолично провести силами Азовской флотилии еще одну десантную операцию, которая закончилась полной неудачей. Но вина за нее была возложена Сталиным на генерала И. Е. Петрова, и потому его временно отстранили от командования армией, понизив в должности...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.